

ГЛАВА 4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ, О ПРИНЦИПАХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В современной России нормы международного права и международные договоры страны играют важную роль в обеспечении свободы совести и в регулировании деятельности религиозных объединений.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, Конституция Российской Федерации в ст. 15 ч. 4 установила, что если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Однако в современном мире еще не установилась единая точка зрения по вопросу, должны ли нормы международного права быть приоритетными по отношению к нормам национального права страны. Разные подходы к решению проблемы соотношения международного и внутригосударственного права, как справедливо отмечается экспертами в данной области, неслучайны. Они отражают не только личные позиции тех или иных авторов, но и реальные интересы соответствующих государств. Можно даже «проследить общую тенденцию: сторонники примата международного права чаще всего представляли интересы сильных держав, которые в течение длительного периода оказывали значительное влияние на развитие международного права и в силу этого в определенном смысле являлись международными законодателями. Таковыми выступали в первую очередь юристы США и в значительной мере Великобритании и Франции»¹.

¹ Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин. М., 1994. С. 128–129.

Под лозунгами «коренным образом изменившегося мира» и изменения сущности международного права, якобы превратившегося из выразителя согласованной воли и интересов отдельных государств или групп государств в некоего выразителя общечеловеческих ценностей и интересов, сильными мира сего в лице «великих» держав и их союзников методически проводится мысль о необходимости утверждения безусловного приоритета международного права перед национальным¹.

В то же время необходимо признать, что в случае, если страна — участник международного договора, принявшая обязательства по обеспечению свободы совести, будет в одностороннем порядке изменять применение этих обязательств на своей территории путем принятия национальных законов или иных правовых актов, международный договор утратит всякое реальное значение.

Во второй половине XX в. проблема защиты прав и свобод человека оказалась одной из центральных среди тех, внимание которым уделялось в международных конвенциях и соглашениях. Процесс освобождения личности от навязывания каких-либо воззрений и норм поведения сам по себе позитивен, ибо принуждение в вопросах духовной (в том числе религиозной) жизни в конечном счете всегда оказывается пагубным. Однако очень быстро обнаружилось, что свобода, включая свободу совести, может быть использована человеком и во вред себе и обществу. Свобода совести, предоставляемая носителям таких религиозных или псевдорелигиозных убеждений, которые своей деятельностью причиняют зло окружающим, оборачивается нарушением законных прав и интересов пострадавших от них и общественного порядка в целом.

Известный философ А. Н. Уайтхед писал: «Ничем не ограниченная свобода означает полное отсутствие какого бы то ни было принудительного объединения людей... Каким бы ни было данное общество, всегда найдется определенное число людей, которые

¹ См.: Проблемы теории государства и права: Учеб. пособ. С. 158.

иногда по складу характера, а чаще — по характеру своих действий оказываются антисоциальными элементами. И поэтому никак нельзя уйти от той банальности, что принуждение необходимо и что принуждение есть ограничение свободы. Отсюда следует, что требуется доктрина, способная совместить свободу и принуждение в обществе»¹.

Свобода личности, лишенная всяких ограничений, оборачивается разрушением общества: оно может существовать только в условиях необходимого взаимного частичного ограничения прав и свобод своих членов во имя поддержания своего единства и обеспечения жизнеспособности.

По словам видного современного специалиста в области государственоведения Г. В. Атаманчука, «сколько бы ни говорилось о свободе, исторически доказано, что сама она реализуема лишь в условиях порядка, когда все люди сознательно, по собственному пониманию уважают и ценят свободу друг друга»².

Институт прав и свобод личности — это безусловное достижение цивилизации, историческое завоевание, характеризующее высокий уровень развития социума и его прогрессивную направленность. Однако права и свободы личности не следует абсолютизировать, ибо это неизбежно приводит к вседозволенности и произволу, подготавливает почву для социальных конфликтов. Индивидуальная свобода не может быть беспредельной, она подлежит введению в определенные разумные рамки. Умеренное ограничение прав и свобод личности допустимо для устранения злоупотреблений правом и свободой³.

Утверждение принципа господства права предполагает законодательное признание, закрепление и защиту всех юридически значимых аспектов свободы человека как духовной личности, как

¹ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 449.

² Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 109.

³ См.: Российская правовая политика / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Мальцева. М., 2003. С. 109.

свободного, независимого и автономного субъекта во всех сферах общественной жизни (правовой, моральной, нравственной, эстетической, религиозной и т.д.)¹.

Под свободами следует понимать так называемые *негативные* права, т.е. права, основанные на требовании невмешательства в определенную сферу жизнедеятельности человека. (Например, свобода слова означает право человека говорить то, что он хочет, и право на невмешательство в этот процесс со стороны третьих лиц.)

Большинство современных правовых государств не ограничивается признанием лишь негативных (гражданских, личных) прав и свобод, а утверждает также права *позитивные*. Такие права для своей реализации требуют не только невмешательства, но и совершения конкретных положительных действий со стороны государства².

Современный специалист в области теории государства и права В. С. Нерсесянц пишет: «В современном правовом (и конституционно-правовом) словоупотреблении термин “свобода” обычно используется для обозначения гарантированной правом сферы автономии (самозаконности, своеправия) субъекта, внутри которой он вправе действовать по-своему, по собственному (свободному) усмотрению и выбору. Термин же “право” используется для обозначения правомочия субъекта на конкретно-определенное действие и поведение. Но в понятийно-правовом смысле эти термины равнозначны. Ведь право — это форма свободы, а свобода возможна лишь в форме права»³.

Права человека представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (это — собственно права).

¹ См.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2002. С. 88.

² См.: Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 592.

³ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. С. 335.

Сам термин «права человека» употребляется как в широком, так и в узком смысле. В узком значении — это только те права, которые не предоставляются, а лишь охраняются и гарантируются государством, действуют независимо от конституционного закрепления и государственных границ. К ним относятся равенство всех людей перед законом, право на жизнь и телесную неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, свобода от произвольного, незаконного ареста или задержания, свобода веры и совести. В широком значении права человека включают весь обширный комплекс прав и свобод личности, их различные виды.

В исследованиях по политологии отмечается, что современная типология прав человека достаточно разнообразна. Наиболее общей их классификацией является деление всех прав на негативные (свободы) и позитивные. Такое разграничение прав основано на различии в них негативного и позитивного аспектов свободы. Как известно, в негативном значении свобода понимается как отсутствие принуждения, ограничений по отношению к личности, возможность действовать по своему усмотрению, в позитивном — как свобода выбора, а главное — как способность человека к достижению поставленных целей, проявлению способностей и индивидуальному развитию в целом.

В соответствии с таким пониманием свободы негативные права определяют обязанности государства и других людей воздерживаться от тех или иных действий по отношению к индивиду. Они охраняют личность от нежелательных, нарушающих ее свободу вмешательств и ограничений. Эти права считаются основополагающими, абсолютными. Их осуществление не зависит от ресурсов государства, уровня социально-экономического развития страны. Негативные права составляют фундамент индивидуальной свободы. Почти все либеральные права имеют характер негативного права.

В отличие от негативных, позитивные права фиксируют обязанности государства, лиц и организаций предоставлять гражданину те или иные блага, осуществлять определенные действия.

Характер позитивного права носят все социальные права. Это, например, право на социальное вспомоществование, образование, охрану здоровья, достойный уровень жизни и т.п. Реализовать эти права гораздо труднее, чем права негативные. Осуществление позитивных прав невозможно без наличия у государства достаточных ресурсов. Их конкретное наполнение прямо зависит от богатства страны и демократичности ее политической системы.

Права человека носят характер индивидуального права. Существует и коллективное право, субъекты которого разнообразны. Это семьи, производственные коллективы, религиозные или национальные меньшинства и т.д. В последнее время в связи с активизацией националистических движений особую остроту приобрел вопрос о соотношении прав народов (наций) на самоопределение с основополагающими правами человека.

Права человека становятся реальностью лишь в том случае, если они неразрывно связаны с обязанностями людей. В обязанности граждан демократических государств входят: соблюдение законов, уважение прав и свобод других лиц, уплата налогов, подчинение полицейским предписаниям, охрана природы, окружающей среды, памятников культуры и т.д.¹

В. С. Нерсесянц отмечает, что «конституционно-правовой статус индивида представляет собой определенную систему, включающую в себя в качестве своих структурных частей следующие группы однородных (по сфере и предмету регуляции) прав индивида: личные (индивидуально-человеческие) права, политические права, экономические права, социальные права, культурные права. Личные (индивидуально-человеческие) права и свободы — это права и свободы, признающие и защищающие человека как отдельное природное и духовное существо, как свободную личность. К таким личным правам и свободам по Конституции относятся такие прирожденные и неотчуждаемые

¹ См.: Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 2003. С. 75–90.

права человека, как... свобода совести, свобода вероисповедания (ст. 28).

Эти личные права по своему содержанию и сфере регуляции имеют индивидуально-человеческий характер. Они принадлежат человеку как человеку, определяют и защищают любого человека (а не только гражданина Российской Федерации) в качестве правового лица, субъекта определенной совокупности прирожденных и неотчуждаемых прав и свобод»¹.

Свобода совести — устойчивый международный термин. Он означает право на свободу выбора своего отношения к любой конкретной религии и к религии вообще, религии как таковой: быть верующим, последователем той или иной религии; не быть последователем ни одной религии и не следовать религиозной вере вообще; изменять свое отношение к религии — становиться и переставать быть приверженцем религии, иметь, менять, отстаивать свои убеждения относительно религии и действовать в соответствии с ними.

В международных документах, посвященных гарантиям прав человека и основных свобод, важнейшие из которых рассматриваются нами далее, используется устойчивый оборот «**свобода совести, мысли и религии**».

Свобода вероисповедания — право человека свободно следовать своим религиозным убеждениям, выполнять связанные с ними ритуалы, обряды, открыто заявлять о своей вере. Термин *вероисповедание* употребляется в следующих значениях: во-первых, это религия, система убеждений о сверхприродной реальности; во-вторых, конкретное, имеющее уникальное название направление (конфессия), обладающее определенным вероучением и практикой. «Свобода вероисповедания равнозначна свободе религии, религиозной свободе, то есть эти термины тождественны, — отмечалось А. В. Пчелинцевым. — Таким образом, в целях унификации терминологии и приведения отечественного законодательства в соответствие с требованиями международного права было бы возможным использовать в Конституции РФ

¹ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. С. 336–337.

и отечественном законодательстве термин «свобода религии». Можно констатировать, что свобода совести соотносится со свободой вероисповедания (свободой религии) как родовое и видовое понятия, как общее и частное»¹.

В то же время в международном праве и в российском законодательстве не применяется формально-логический подход, в соответствии с которым не требуется отдельное название частного понятия (свобода вероисповедания) вместе с уже включающим его в себя общим понятием (свобода совести). Это обусловлено особой значимостью религиозной свободы, повсеместное признание которой произошло после многих веков кровопролитных религиозных войн и конфликтов, преследований религиозных меньшинств.

Необходимость отдельного дополнительного упоминания о свободе вероисповедания связана также с тем, что религиозные учения накладывают на своих последователей более строгие обязательства в поведении (отправление культа, соблюдение предписаний и запретов), нежели те правила, которыми руководствуются последователи атеистических или иных нерелигиозных убеждений. Обязательность соблюдения религиозных предписаний, являющихся жизненно важными для верующих, требует дополнительного внимания законодателя к обеспечению реальной свободы вероисповедания с учетом этой специфики религиозных убеждений.

Свобода совести — одно из основных личных прав человека. Она означает прежде всего свободу индивидуума от любого идеологического контроля, право каждого самостоятельно выбирать систему духовных ценностей. От свободы вероисповедания свобода совести отличается тем, что она — значительно более широкое понятие.

Свобода совести объемлет несколько возможных вариантов мировоззренческого самоопределения личности. Человек может

¹ *Пчелинцев А. В.* Свобода совести и вероисповедания как правовой институт // Религия, политика и права человека. Материалы конференции. М., 2002. С. 251, 252.

стать верующим, последователем какой-либо из существующих религий или провозгласить новое религиозное учение. Он вправе придерживаться атеистических убеждений, отрицая существование Бога и (или) сверхъестественного (потустороннего) мира, бессмертие человеческой души. Личность может также разделять философско-мировоззренческие представления об устройстве бытия, не являющиеся религиозным учением, но содержащие представления об Абсолюте, Боге, трансцендентной реальности (например, философский объективный идеализм, некоторые оккультные учения). И наконец, личность может занимать нейтральную мировоззренческую позицию, устранившись от разрешения вопросов о бытии Бога, об истинности или ложности религиозных и философских учений. Некоторые люди считают, что эти вопросы недоступны познанию (агностики), другие же поглощены повседневными заботами и не имеют желания думать о религиозных вопросах.

Свобода совести защищает не только религию, но и иные мировоззренческие убеждения нерелигиозного характера (это не относится к политическим, экономическим, научным и иным подобным убеждениям). Согласно позиции, занимаемой Европейским Судом по правам человека, эти личные убеждения должны достигнуть определенного уровня убедительности, значимости, единства и важности¹.

В некоторых случаях возникает вопрос о том, могут ли права или льготы, предусмотренные национальным законодательством для верующих и религиозных объединений, распространяться на нерелигиозные мировоззренческие общественные объединения. Так, Государственный Совет Франции отказался признать за Союзом атеистов, также являющимся объединением граждан на основе общих убеждений об устройстве мира, право пользоваться некоторыми льготами, предусмотренными для культовых (религиозных) объединений, поскольку Союз атеистов не может,

¹ Дело «Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства» (Campbell and Cosans v. the United Kingdom), жалобы № 7511/76 и 7743/76, Постановление ЕСПЧ от 25.02.1982 г.

с точки зрения Закона, рассматриваться как объединение с целью отправления религиозного культа¹. Европейская Комиссия по правам человека сочла, однако, что во французском законодательстве в данном случае имеет место дискриминация по мировоззренческому признаку².

Свобода совести состоит из нескольких компонентов. Их можно логически свести к трем основным:

свобода *иметь* любые мировоззренческие убеждения и изменять их,

свобода *действовать* в соответствии с этими убеждениями, свобода *распространять* свои убеждения, верования.

Можно отметить, что распространение убеждений является частным случаем реализации права действовать в соответствии со своими убеждениями (большинство религиозных учений содержит положения о необходимости миссионерствовать, обращаться в свою веру). Однако свобода слова, свобода распространения своих взглядов традиционно считается особо важной свободой, заслуживающей отдельного упоминания. Кроме того, свобода распространения убеждений и верований всегда «затрагивает другого», она означает возможность влиять на другую личность, пытаться изменить убеждения другого человека.

Следует отметить, что в международных документах в области прав человека, как правило, говорится о праве «*исповедовать*» («*проявлять*») религию или убеждения, но не «*распространять*» их. (Но в то же время международные документы гарантируют свободу человека выражать свое мнение, свободу слова). Также в международном сообществе существуют разногласия по поводу того, является ли неотъемлемой составной частью свободы совести, мысли и религии право человека пытаться обратить другого человека в свою веру.

В некоторых мусульманских странах отступничество от ислама карается законом. Отсюда естественным образом следует, что

¹ Conseil d'Etat. 17 juin 1988, Union des athées.

² Commission européenne des droits de l'homme, Rapport 6 juillet 1994, Union des athées c/ France.

и попытка убеждать мусульманина изменить свои религиозные убеждения подвергается запрету. Например, правительство Малайзии утверждает, что запрет на прозелитическую деятельность среди мусульман не является ограничением права мусульман менять свою религию: «Если какой-либо мусульманин желает получить знания о другой религии или даже принять другую религию по собственной воле и по собственной инициативе, то законы, запрещающие прозелитизм, не могут ему в этом воспрепятствовать. Эти законы направлены лишь на защиту мусульман от попыток обратить их в другую религию»¹.

Однако Европейский Суд по правам человека, рассматривая жалобу миссионера Свидетелей Иеговы г-на Коккинакиса, счел, что «свобода исповедовать свою религию... включает в принципе право пытаться убедить своего ближнего... без чего “свобода изменения [своей] религии или верования”... оставалась бы мертвой буквой»².

Конституция Российской Федерации в статье 28, гарантирующей свободу совести и свободу вероисповедания, прямо устанавливает, среди прочего, право «*распространять* религиозные и иные убеждения».

Свобода действовать соответственно своим убеждениям организационно подразумевает и «свободу не действовать» вопреки своим убеждениям. Эта свобода гарантируется, в частности, возможностями соблюдать религиозные запреты в отношении питания, одежды, других правил поведения, созданием института альтернативной гражданской службы.

Отсутствие убеждений не требует реализовывать себя в каких-либо формах социальной активности. Поэтому в отношении людей, безразличных к «проблемам вечности», не являющихся

¹ Цит. по: Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / Под ред.: Торе Линдхольма, Кола Дурэма, Бахии Тазхиб-Ли. М., 2010. С. 539.

² Цит. по: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов; под общ. ред. А. В. Пчелинцева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 510.

ни верующими, ни атеистами, свобода совести полностью сводится к ее негативному аспекту, к гарантии отсутствия внешнего принуждения изменить свою мировоззренческую позицию. Атеистам и в еще большей мере — верующим этого недостаточно, их мировоззрение требует проявить себя в действии. Атеистам в принципе достаточно обеспечить свободу слова и свободу собраний (конечно, в рамках недопустимости оскорбления верующих атеистической пропагандой).

Но для верующих, ввиду необходимости отправления богослужений, религиозных обрядов и ритуалов, свобода совести должна включать и позитивный элемент. Если декларирующее свободу совести государство не предоставляет верующим никакой возможности обзавестись земельными участками для строительства культовых зданий, помещениями для богослужений, то свобода совести в этих условиях оборачивается фикцией. (Речь не идет о другой крайности — о содержании конфессий за счет государства, но о том, что в отсутствие минимальных материальных возможностей для отправления религиозного культа реальная свобода совести существенно ограничена или вовсе не существует).

Сам термин «свобода совести», который, возможно, точнее было бы обозначить как «свобода сознания», содержит некоторую двусмысленность. Ввиду того, что под «совестью» принято понимать «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, перед обществом»¹, термин «свобода совести» позволяет интерпретировать его также в качестве «свободы от совести», от морали и нравственности.

Однако термин «свобода совести» имеет в русском языке уже более чем столетнюю историю. Он возник в XIX в. в русской юридической и политической лексике наряду с терминами «веротерпимость», «религиозная свобода» и исторически означал, прежде всего, свободу личности от принуждения действовать (или бездействовать) вопреки своим убеждениям, своим моральным нормам, вопреки «голосу совести». В XX в. он вошел в постоянное употребление в советском и российском законодательстве

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 644.

как основной и наиболее общий термин, обозначающий право личности беспрепятственно совершать мировоззренческий выбор и действовать в соответствии с ним.

Споры вокруг двусмысленности термина «свобода совести» начались еще в царской России при обсуждении путей укрепления веротерпимости. Сторонники сохранения монополии Синодальной Церкви на миссионерскую деятельность иронически интерпретировали выражение «свобода совести» как «свобода от совести», то есть от моральных ограничителей. Иногда к обсуждению этой проблемы возвращаются и в наши дни¹.

Когда говорят о праве на свободу религии или убеждений, первое, что приходит в голову, — это право личности действовать в соответствии со своими сознательными убеждениями, свободно совершать (или не совершать) религиозные обряды и жить в обществе, в котором нет дискриминации по признаку убеждений. Но, как отмечает американский исследователь К. Дурэм, с точки зрения практики использование этих основополагающих прав на свободу религии сильно зависит от юридических структур, с помощью которых религиозные общины могут осуществлять свою деятельность. История изобилует примерами законов, ограничивающих индивидуальную религиозную практику путем отказа в юридическом признании определенных религиозных организаций². Неоправданные ограничения свободы создания религиозных объединений, несомненно, ущемляют личные права каждого верующего соответствующей конфессии, ограничивают его индивидуальную свободу совести. Но такие ограничения правомерны, если они связаны с противоправной деятельностью самого религиозного объединения.

В другой своей работе К. Дурэм обращает внимание на то, что существуют определенные условия, необходимые для возникновения религиозной свободы. В кратком изложении это: известная

¹ См. например: *Лунарев Г. П.* Свобода совести: «священная корова» или конституционно-правовой анахронизм? // *Религия и право.* 2002, № 2. С. 4

² См.: *Дурэм К.* Свобода религии или убеждений. Варшава, 1999. С 8.

степень плюрализма; экономическая стабильность; политическая законность внутри общества. Кроме того, должно быть выраженное вовне желание со стороны различных религиозных групп и их приверженцев жить вместе друг с другом¹.

Идея религиозной свободы на протяжении длительного времени отрицательно воспринималась представителями многих традиционных конфессий. Пока идеал религиозной свободы рассматривался как простое порождение секулярных и антиклерикальных устремлений эпохи Просвещения, внутри традиционных религий сохранялось негативное отношение к свободе совести. В значительной степени это объясняет сопротивление исламских культур принятию международных норм о правах человека. По мнению К. Дурэма, необходимо выработать такое представление о религиозной свободе, которое совместимо с духовными ценностями, соответствующими как религиозным, так и секулярным традициям. Но достижение какого-либо согласия в этой области остается чрезвычайно трудной задачей².

Известный католический богослов П. де Лобье отмечает: «Сегодня права человека являются практическим проявлением естественного закона, о котором избегают говорить; но без онтологического и антропологического обоснования права человека теряют свой характер абсолюта и становятся лишь волей демократического или иного большинства, которое превращается в высшую инстанцию»³.

Он же пишет, что «сегодня Церковь, осудившая во времена Французской революции знаменитые идеи о правах человека, является их защитницей. Эти две противоположные позиции не вступают, однако, в противоречие. Изменился не только контекст, но и сознание, как в самой Церкви, так и в мире, который ей предназначено христианизировать. Опасаясь вчера превозносить

¹ Дурэм К. Перспективы религиозной свободы: сравнительный анализ. М., 1999. С. 19.

² См.: Дурэм К. Свобода религии или убеждений. С. 13–14.

³ Лобье де. П. Три града. Социальное учение христианства. СПб., 2001. С. 16–17.

человека, забывшего в Европе и особенно во Франции о духовном наследии, проникнутом христианством, она не противоречит себе, превознося сегодня тот путь к Богу, которым является Человек»¹.

Серьезное внимание православному подходу к проблеме свободы совести уделяют «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Там, в частности, говорится:

«Появление принципа свободы совести — свидетельство того, что в современном мире религия из «общего дела» превращается в «частное дело» человека. Сам по себе этот процесс свидетельствует о распаде системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению в большей части общества, утверждающего принцип свободы совести. Если первоначально государство возникло как инструмент утверждения в обществе Божественного закона, то свобода совести окончательно превращает государство в исключительно земной институт, не связывающий себя религиозными обязательствами.

Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющем ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества»².

«По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит другим индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи. В системе современного светского

¹ Там же. С. 331.

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 26.

гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект»¹.

«Современная международно-правовая система основывается на приоритете интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями (особенно в случаях, когда первые и вторые вступают в конфликт). Такой же приоритет закреплен в национальном законодательстве многих стран. Нередко он заложен в принципах регламентации различных форм деятельности органов власти, построения государственной образовательной системы и так далее. Многие влиятельные общественные механизмы используют этот принцип в открытом противостоянии вере и Церкви, нацеленном на их вытеснение из общественной жизни. Эти явления создают общую картину секуляризации жизни государства и общества.

Уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, Церковь в то же время не может положительно воспринимать такой миропорядок, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность. Именно поэтому, неизменно сохраняя открытой возможность сотрудничества с людьми нерелигиозных убеждений, Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных) и как существенного фактора, который должен влиять на формирование (изменение) международного права и на деятельность международных организаций»².

«Основные положения социальной программы российских мусульман», разработанные Советом муфтиев России, придавая высочайшее значение правам и свободам человека, отмечают также, что

¹ Там же. С. 38.

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 125.

«если права и свободы рассматриваются вне понятия вечной жизни, даруемой Аллахом, а именно — лишь как средство достижения благ земной жизни, то в этом случае нет объективного критерия, по которому могут быть четко проведены границы человеческой свободы, за которыми начинаются аморальность, произвол, анархия и тирания. (...) Согласно учению ислама, права и свободы человека устанавливаются по воле Всемогущего Творца как необходимое и позитивное средство достижения счастья в вечной жизни. Поэтому исламское учение придерживается “золотой середины” в понятии человеческой свободы»¹.

Рассмотрим далее важнейшие положения, касающиеся свободы совести и деятельности религиозных объединений, содержащиеся в некоторых международных документах.

Всеобщая декларация прав человека (принята и провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г.).

Статья 18. «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».

Данная статья перечисляет основные аспекты свободы совести — право иметь религиозные или нерелигиозные убеждения, беспрепятственно изменять их, исповедовать их, в том числе сообщая с другими (т.е. образуя религиозное объединение) и действовать в соответствии с ними, реализовывать свои убеждения в различных видах социальной активности (например, миссионерство, благотворительность и т.д.).

Статья 29. «1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только тем ограничениям, какие установлены

¹ Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001. С. 9.

законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Правозащитники либерального толка, цитируя это положение, как правило, делают акцент только на одной составляющей идеи, заложенной в эту формулу, — на недопустимости *произвольных*, необоснованных ограничений прав человека. Но есть и «вторая сторона медали». Это положение, основное содержание которого воспроизводится в статьях других международных пактов и деклараций, *признает законной практику ограничения прав и свобод* государством и устанавливает перечень оснований для введения ограничений.

Более того, вышеуказанная норма должна трактоваться в смысловом единстве с предшествующей ей ч. 1 статьи 29 Декларации, согласно которой *«каждый человек имеет обязанности перед обществом»*. Таким образом, вопреки распространяемой некоторыми правозащитными организациями тенденции трактовать положения международных актов исключительно в духе апологии индивидуализма, приоритета интересов личности, Всеобщая декларация прав человека рассматривает отношения личности и общества в диалектическом единстве.

Международный пакт о гражданских и политических правах (СССР подписал 18 марта 1968 г., вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.)

Статья 18. «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц».

Пункты первый и второй созвучны содержанию ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, посвященной свободе совести. Третий пункт близок по своей сути п. 2 ст. 29 Декларации и содержит исчерпывающий перечень мотивов, по которым допустимо ограничение свободы исповедовать религию или убеждения. Следует обратить особое внимание на то, что Пакт предусматривает возможность ограничения не самой свободы мысли, совести и религии, а только свободы исповедовать религию или убеждения, т.е. действовать в соответствии с ними. Свобода мировоззренческого выбора не подлежит ограничению и контролю со стороны государства, она реализуется во внутреннем мире личности (лат. «forum internum»). Никакие убеждения не могут быть преступными, запрещенными, пока они пребывают только внутри человеческого сознания. Для возникновения конфликта с законом убеждения, как минимум, должны быть высказаны.

В то же время внутренняя свобода человеческого сознания может быть нарушена недобросовестным внешним воздействием, включая обман, психологическое давление, и поэтому нуждается в защите законом от сторонних посягательств.

В отличие от неограниченной свободы мировоззренческого самоопределения, реализация убеждений во внешних действиях, совершаемых личностью, включая высказывания, подлежит законодательному регулированию в той мере, в которой они воздействуют или, по крайней мере, способны оказать воздействие на других лиц. Остается недостаточно определенным вопрос о правомерности ограничения свободы совести в случаях, когда человек, руководствуясь религиозными убеждениями, подвергает себя добровольному самоистязанию, самоумерщвлению, не нарушая при этом прав и законных интересов других лиц.

Статья 22. «1. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими...

2. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц».

Данная статья защищает в общем виде право людей создавать объединения и говорит о недопустимости немотивированных ограничений этого права. Отметим, что частным случаем реализации права на объединение является создание религиозных объединений, также гарантируемое данной статьей.

Статья 26 Пакта говорит о праве всех людей на защиту закона без всякой дискриминации, в том числе по религиозному признаку.

Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, среди прочего, в явном виде признают и защищают *общинную* сторону религиозной жизни, коллективную свободу вероисповедания, т.е. возможность создавать религиозные объединения.

Введение органами власти ограничений прав и свобод, защищаемых нормами международного права и международными обязательствами государства, предполагает, с точки зрения рассматриваемых документов, наличие веских оснований в подтверждение того, что эти ограничения действительно необходимы в демократическом обществе, а также соразмерны тяжести конфликтов и проблем, которые они призваны урегулировать.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (провозглашена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981 г.) в своей первой статье еще раз подтверждает право каждого человека на свободу мысли, совести и религии, которое может быть ограничено законом только в случаях реальной необходимости для общества. Запрещая в ст. 2 дискриминацию на основе религии или убеждений, Декларация адресует этот запрет не только государству, но и любому учреждению, группе лиц или отдельному лицу. Статья 2 определяет дискриминацию как «любое различие,

исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или удаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод».

Особый интерес для нас представляет то, что в данном документе имеется развернутый перечень конкретных свобод, в своей совокупности составляющих свободу совести.

Статья 6. «В соответствии со статьей 1 настоящей Декларации и с соблюдением положений пункта 3 статьи 1 право на свободу мысли, совести, религии или убеждений включает, в частности, следующие свободы:

- a) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей;
- b) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения;
- c) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями;
- d) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях;
- e) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели;
- f) спрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования;
- g) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений;
- h) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями;
- i) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях».

Данный документ, таким образом, существенно уточняет, какие именно возможности, с позиций международного права, должны быть предоставлены верующим гражданам и их объединениям

во имя обеспечения свободы совести. Общее указание о возможности действовать в соответствии со своими убеждениями дополняется перечнем конкретных форм социальной активности, которые включает в себя эта возможность. Оговорка «в частности» указывает на то, что данный перечень не является исчерпывающим, т.е. что свобода совести подразумевает возможность совершения и иных, не упомянутых в данном акте действий.

Помимо международных правовых актов общемирового значения, в международном праве действуют региональные документы, признаваемые государствами — участниками какого-либо соглашения или содружества. Для России наиболее актуальными являются акты, действующие в Европе и в рамках Содружества Независимых Государств.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (подписана 4 ноября 1950 г., вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г.) (далее по тексту — ЕКПЧ).

Статья 9 ЕКПЧ состоит из двух частей. Часть первая практически тождественна тексту статьи 18 Всеобщей декларации прав человека:

«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом в богослужении, учении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».

Часть 2 статьи 9 говорит о том, что свобода исповедовать религию или придерживаться убеждений подлежит

«лишь ограничениям, установленным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Статья 10 посвящена свободе выражения мнения.

«Каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию

и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ». Общая гарантия свободы распространения мнений и идей подразумевает, в частности, право беспрепятственного распространения религиозных убеждений.

Статья 11 защищает свободу собраний и свободу ассоциации (объединения). По тексту она близка к ранее приведенной нами ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Статья 14 запрещает дискриминацию. «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Дискриминация выражается в нарушении равенства в пользовании конкретными правами и свободами. Поэтому жалобы на нарушение ст. 14 сопровождаются указанием на нарушение прав и свобод, признаваемых другими статьями ЕКПЧ. Для верующих и религиозных объединений дискриминация чаще всего проявляется в нарушении прав, защищаемых статьями 9, 10, 11 Конвенции.

Статья 19 Конвенции предусматривает создание *Европейского Суда по правам человека*. Принимая решения по делам, связанным с жалобами на неправомерное ограничение в том или ином государстве свободы совести, Европейский Суд руководствуется нормами статьи 9, в частности ее части 2, устанавливающей критерии допустимости ограничений прав и свобод.

Статья 2 Протокола № 1 к ЕКПЧ установила, что «никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям».

При рассмотрении дел Европейский Суд использует твердо установленный перечень вопросов:

- 1) Подпадает ли жалоба под действие статьи 9 Конвенции?
- 2) Имелось ли вмешательство в права, защищаемые ст. 9?
- 3) Было ли ограничение прав произведено в целях, перечисленных в части 2 ст. 9?
- 4) Было ли ограничение прав установлено законом?
- 5) Является ли ограничение «необходимым в демократическом обществе»? (Даже если законодатель, вводя ограничения свободы совести, преследовал предусмотренную Конвенцией цель защиты общественного порядка и др., ограничение может быть признано Судом неадекватно сильным, не соответствующим стандартам демократического общества).

Среди часто упоминаемых в специальной литературе и имеющих важное значение решений Европейского Суда по правам человека¹:

Судебное решение от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис против Греции». Заявитель, последователь учения Свидетелей Иеговы, был осужден греческим судом за попытку прозелитизма в отношении православной женщины. Греческое законодательство запрещает прозелитизм, понимая под таковым не всякие действия по распространению вероучения, а с использованием незаконных или аморальных средств. Суд пришел к выводу, что осуждение заявителя греческим судом не оправдано какой-либо насущной социальной нуждой, поэтому оспариваемая мера не является «необходимой в демократическом обществе... для защиты прав и свобод других лиц».

Судебное решение от 20 сентября 1994 г. по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии». Власти Австрии

¹ Тексты многих важных решений, в том числе ниженазванных, опубликованы в: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов; под общ. ред. А. В. Пчелинцева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009, а также в журнале «Религия и право».

по настоянию Инсбрукской епархии Римской Католической Церкви запретили ассоциации — заявителю демонстрацию кинофильма Вернера Шретера «Любовный собор», оскорбляющего религиозные чувства верующих. Заявитель утверждал, что имело место нарушение свободы слова, гарантируемой статьей 10 ЕКПЧ. Суд констатировал, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок. ЕСПЧ не признал нарушения статьи 10 Конвенции.

Судебное решение от 26 сентября 1996 года по делу «Мануссакис и другие против Греции». Заявители, Свидетели Иеговы, подверглись судебному преследованию в Греции за то, что они использовали молитвенное помещение, не получив предварительно разрешения, требуемого законом. Суд пришел к заключению, что осуждение заявителей так сильно и непосредственно воздействовало на их свободу исповедовать свою религию, что оно не может быть расценено как соразмерное преследуемой цели и потому как необходимое в демократическом обществе.

Судебное решение от 24 февраля 1997 г. по делу «Калач против Турции». Заявитель, офицер Вооруженных сил Турции, был отправлен в принудительную отставку по причине принадлежности к фундаменталистской мусульманской организации и счел, что власти ограничивают его свободу вероисповедания. Суд указал, что статья 9 Конвенции защищает не любое деяние, мотивированное или вдохновленное религиозными или иными убеждениями. Суд пришел к выводам о том, что государства могут принимать для своих армий дисциплинарные правила, запрещающие тот или иной вид поведения, в частности враждебное отношение к установленному порядку, отражающему требования военной службы. Принудительная отставка заявителя была вызвана не его религиозными убеждениями, а поведением, несовместимым с военной дисциплиной и светскостью государства.

Судебное решение от 24 февраля 1997 г. по делу «Бессарабская церковь против Республики Молдова». Власти Молдовы отказали в признании митрополии — заявительницы жалобы, отделившейся от Молдавской митрополии, канонически подчиненной Московскому Патриархату. Власти утверждали, что признание Бессарабской митрополии усилит конфликт между православными верующими и будет содействовать деятельности прорумынски ориентированных кругов и присоединению Молдавии к Румынии. ЕСПЧ счел, что утверждения о возможных политических последствиях создания Бессарабской митрополии не подтверждены конкретными доказательствами. Суд постановил, что отказ в признании церкви-заявительницы имеет такие последствия для религиозной свободы заявителей, что он не может считаться ни соразмерным преследуемой цели, ни необходимым в демократическом обществе, и таким образом было совершено нарушение ст. 9 Конвенции.

Судебное решение от 24 февраля 1998 г. по делу «Лариссис и другие против Греции». Три заявителя служили офицерами в одном подразделении ВВС Греции. Будучи последователями пятидесятнической церкви, они пытались обратить в свою веру нескольких подчиненных летчиков, а также гражданских лиц. Офицеры были осуждены греческим судом за прозелитизм. ЕСПЧ указал, что греческие власти были вправе принять меры с целью защиты нижестоящих летчиков-военнослужащих от недопустимого давления, оказываемого на них заявителями для распространения своих религиозных взглядов. Суд постановил, что не имелось нарушения ст. 9 Конвенции применительно к мерам наказания заявителей за прозелитизм в отношении подчиненных им летчиков, но наказание за прозелитизм в отношении гражданских лиц, не подчиненных заявителям, является нарушением статьи 9.

Судебное решение Большой Палаты ЕСПЧ от 18 марта 2011 г. по делу «Лаутси и другие против Италии». Заявительница, г-жа Лаутси, утверждала, что присутствие распятия в школьных классах государственных школ Италии нарушает ее право воспитывать детей в соответствии с ее собственными (атеистическими)

убеждениями, защищаемое статьей 2 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Первоначально в судебном решении от 3 ноября 2009 г. ЕСПЧ признал нарушение данного положения Конвенции. При повторном рассмотрении дела Большой Палатой ЕСПЧ было признано, что присутствие распятия в школьных классах не означает навязывания учащимся определенных религиозных убеждений. Если заявительница субъективно воспринимает присутствие распятия в классах, где учатся ее дети, как неуважение ее права воспитывать их, этого недостаточно, чтобы сделать вывод о нарушении Конвенции. Большая Палата ЕСПЧ отменила первое решение и сделала вывод об отсутствии нарушения Конвенции.

Решение от 3 декабря 2009 г. о неприемлемости жалобы от Тамары Скугар и других против России. Суд объявил неприемлемой как явно необоснованную жалобу православных граждан на то, что присвоение им против их воли индивидуальных номеров налогоплательщика (ИНН) противоречит их религиозным убеждениям, защищаемым ст. 9 ЕКПЧ. Суд посчитал, что при создании и применении внутренних процедур, подобных системе присвоения ИНН, от государства нельзя требовать принимать во внимание, как каждый отдельный гражданин может трактовать это обстоятельство в связи со своими религиозными убеждениями. Протест против использования ИНН в базе данных налоговой инспекции в какой-то мере аналогичен возражениям насчет размера или цвета шкафа для хранения государственных документов. Противоречие между религиозными убеждениями заявителей и правилами учета ИНН является случайным следствием применения объективной правовой нормы¹.

¹ ЕСПЧ исходил из того, что власти России не имели сознательного умысла «заклеймить граждан числом антихриста» путем присвоения ИНН, поскольку доказательств обратного не было представлено. Решение принято исходя из гипотезы о том, что ИНН, не несущие в себе по замыслу государства никакого религиозного содержания, случайно совпали с неприемлемыми для верований заявителей цифровыми символами. В случае, если бы власти сознательно навязывали гражданам совершение действий, несовместимых с религиозными убеждениями, решение ЕСПЧ, вероятно, было бы иным.

Российская Федерация была признана нарушившей ст. 11 (свобода объединения) с учетом положений статьи 9 Конвенции Решением ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. по делу «Московское отделение Армии спасения против России» и Решением ЕСПЧ от 5 апреля 2007 г. по делу «Саентологическая церковь г. Москвы против России». Оба дела были связаны с отказом в перерегистрации религиозной организации. Решением от 01 октября 2009 г. по делу «Кимля, Султанов и Церковь Саентологии Нижнекамска против России» Европейский Суд признал, что имелось нарушение статьи 9 Конвенции в свете статьи 11. Рассматривая это дело, Суд пришел к выводу, что требование предоставить при регистрации местной религиозной организации документ, подтверждающий существование религиозной группы на протяжении не менее 15 лет, не соответствует условиям ЕКПЧ.

Итоговый документ Венской встречи 1989 г. представителей государств — участников СБСЕ (подписан 15 января 1989 г.)

Принцип 16 документа посвящен обеспечению свободы личности исповедовать религию и содержит перечень конкретных условий, создание которых для этого необходимо.

«16. С целью обеспечить свободу личности исповедовать религию или веру государства-участники будут среди прочего:

16.1 — принимать эффективные меры по предотвращению и ликвидации дискриминации лиц или объединений на почве религии или убеждений в отношении признания, осуществления и пользования правами человека и основными свободами во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни и по обеспечению действительного равенства между верующими и неверующими;

16.2 — способствовать климату взаимной терпимости и уважения между верующими различных объединений, а также между верующими и неверующими;

16.3 — предоставлять по их просьбе объединениям верующих, исповедующих или готовых исповедовать свою веру в конституционных рамках своих государств, признание статуса, предусмотренного для них в соответствующих странах;

16.4 — уважать право этих религиозных объединений:

— основывать и содержать свободно доступные места богослужений или собраний;

— организовываться в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой;

— выбирать, назначать и заменять свой персонал согласно своим соответствующим требованиям и стандартам, а также любым свободно достигнутым договоренностям между ними и их государством;

— испрашивать и получать добровольные финансовые и другие пожертвования;

16.5 — вступать в консультации с религиозными культурами, учреждениями и организациями с целью достижения лучшего понимания потребностей религиозных свобод;

16.6 — уважать право каждого давать и получать религиозное образование на языке по своему выбору или индивидуально, или совместно с другими;

16.7 — в этом контексте уважать среди прочего свободу родителей обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями;

16.8 — разрешать подготовку религиозного персонала в соответствующих заведениях;

16.9 — уважать право верующих и религиозных объединений приобретать и использовать священные книги, религиозные издания на языке по своему выбору и другие предметы и материалы, относящиеся к исповедованию религии или веры, и владеть ими;

16.10 — разрешать религиозным культурам, учреждениям и организациям производить, импортировать и распространять религиозные издания и материалы;

16.11 — благожелательно рассматривать заинтересованность религиозных объединений в участии в общественном диалоге, в том числе через средства массовой информации».

В Принципе 17 государства-участники признают, что осуществление вышеупомянутых прав, относящихся к свободе религии или убеждений, может подлежать лишь таким ограничениям,

которые установлены законом и совместимы с их обязательствами по международному праву и их международными обязательствами. Они будут обеспечивать в своих законах и административных правилах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, совести, религии или убеждений.

Наряду с международно-правовыми актами по вопросам прав человека и основных свобод, ратифицированными Советским Союзом и Российской Федерацией, в настоящее время имеются подписанные Российской Федерацией документы, принятые в рамках Содружества Независимых Государств: **Декларация глав государств — участников Содружества Независимых Государств о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод** (принята 24 сентября 1993 г.) и **Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека** (подписана 26 мая 1995 г.).